
Александр Филиппов

*Власть как средство и среда:
два рассуждения
на тему Карла Шмитта*

В середине 50-х годов Карл Шмитт выпустил в свет небольшое сочинение «Диалог о власти и о доступе к властителю»¹. Несмотря на скромные размеры, оно заключает в себе очень многое, что носит принципиальный и спорный характер. Сам жанр популярного диалога этому не препятствует, но важные мысли не получают здесь подробной разработки. Простота и ясность текста обманчивы. Диалога как спора и соперничества в поисках истины между равными здесь нет, есть лишь выяснение позиции самого Шмитта (К.Ш.), дидактически оформленное как разговор молодого собеседника (М.) с мудрым старцем. Но идеи Шмитта, если принимать их всерьез, необходимо дополнительно *разработать*, уяснить смысл и показать следствия отдельных аргументов. Опыт разработки мы и предлагаем. Один из фрагментов диалога выбран в качестве *темы* для двух взаимосвязанных рассуждений.

Итак, сначала сам фрагмент:

¹ *Schmitt C.* Gespräch über die Macht und den Zugang zum Machthaber. Pfullingen: Neske, 1954 / Пер. с нем. и прим. А. Филиппова: Социологическое обозрение, 2007, № 2, с. 27–38 (<http://www.sociologica.net/s14/14tra2.pdf>).

М. Хотите ли Вы сказать... что властитель в наши дни может делать, что хочет?

К.Ш. Отнюдь нет. Тем самым я хочу только сказать, что власть – это вполне самостоятельная величина, в том числе и по отношению к консенсусу, который ее создал, а теперь я хотел бы показать Вам, что она такова также и по отношению к самому властителю. Власть есть объективная, самозаконная величина по отношению к каждому действующему индивиду, у которого она в руках.

М. Что значит здесь «объективная, самозаконная величина»?

К.Ш. Нечто вполне конкретное. Уясните себе, что даже самый ужасающий властитель все равно ограничен человеческой природой (Physis), недостаточностью человеческого рассудка и слабостью человеческой души. Даже самый могущественный человек должен, как и все мы, есть и пить. Он станет больным и старым.

М. Но современная наука доставляет удивительные средства, чтобы преодолеть границы человеческой природы (Natur).

К.Ш. Конечно. Властитель может затребовать к себе самых знаменитых докторов и нобелевских лауреатов. Он может получить больше инъекций, чем кто-либо другой. И все же: предавшись трудам или порокам, через несколько часов он утомляется и засыпает. Ужасный Каракалла, могучий Чингисхан лежит, словно малое дитя, да еще, быть может, и посапывает.

М. Вот какой образ всегда должен был бы стоять перед глазами любого властителя!

К.Ш. Точно, и его часто и охотно живописали философы и моралисты, педагоги и риторы. Мы же не станем на этом задерживаться. Я хочу только упомянуть, что англичанин Томас Гоббс, даже и по сей день самый современный из всех философов чисто человеческой власти, в конструкции государства исходит из этой всеобщей слабости каждого человеческого индивида. Конструкция Гоббса такова. Из слабости рождается угроза, из угрозы – страх, из страха – потребность в гарантиях безопасности, а уже отсюда – необходимость аппарата защиты с более или менее

сложной организацией. Но, несмотря на все меры защиты, говорит Гоббс, в соответствующий момент каждый может убить каждого. Слабый человек может оказаться в состоянии покончить с самым сильным и могущественным. В этом пункте люди действительно равны между собой, поскольку всем им угрожает опасность.

М. Слабое утешение.

К.Ш. Я, собственно, никого не хотел ни утешить, ни испугать, но собирался лишь дать объективную картину человеческой власти. Физическая угроза – это лишь самое грубое и даже не самое повседневное. Каждый человеческий индивид зажат в тесные рамки, и это имеет также еще один результат, рассмотрение которого тем более пригодно для демонстрации самого основного для нашей темы, а именно объективной самозаконности всякой власти по отношению к самому властителю и неумолимой диалектики власти и безвластия, на которую обречен каждый человеческий властитель.

М. Что-то я не пойму, при чем здесь диалектика.

К.Ш. Увидим! Человеческий индивид, в руках которого на мгновение оказываются великие политические решения, может образовать свою волю лишь при данных предпосылках и данными средствами. Даже самый абсолютный монарх вынужден опираться на сообщения и донесения и зависит от своих советников. Несчетное множество известий и фактов, предложений и предположений наваливается на него день за днем, час за часом. Из этого бесконечного бушующего моря истины и лжи, действительного и возможного даже самый умный и могущественный человек может набрать в лучшем случае лишь несколько капель.

М. Здесь действительно можно видеть блеск и нищету абсолютного монарха.

К.Ш. Прежде всего, здесь можно видеть внутреннюю диалектику человеческой власти. Кто докладывает властителю или сообщает ему информацию, тот уже имеет свою долю власти, все рав-

но, будь он министр, уполномоченный визировать [документы], или же некто, умеющий непрямым образом склонять к себе слух властителя. Довольно того, что он сообщает впечатления и мотивы тому человеческому индивиду, в руках которого на мгновение оказывается решение. Так всякая прямая власть сразу же подвергает себя непрямым влияниям. Были такие властители, которые чувствовали эту зависимость и впадали от этого в гнев и ярость. Затем они пытались получить информацию не у своих постоянных советчиков, а как-нибудь по-другому.

М. Это было оправдано, если принять во внимание коррупцию при дворах.

К.Ш. Конечно. Но, к сожалению, они тем самым попадали только в новые зависимости, часто гротескные. Калиф Гарун аль Рашид, в конце концов, переодевшись простолюдином, заходил по ночам в харчевни Багдада, чтобы дознаться все-таки чистой правды. Я не знаю, что он узнал и чем напился из этого сомнительного источника. Фридрих Великий в старости стал настолько недоверчивым, что разговаривал откровенно лишь со своим камердинером Фредерсдорфом. Благодаря этому камердинер стал влиятельным человеком, впрочем, оставаясь верным и преданным.

М. Иные властители предпочитают шофера или любовницу.

К.Ш. Иначе говоря: есть пространство прямой власти. И есть образующееся вокруг него предпространство косвенных влияний и сил, доступ к слуху, коридор, ведущий к душе властителя. Не бывает человеческой власти без такого предпространства и такого коридора².

² Шмитт использует термины, которые мы в переводе могли сохранить лишь в прямом, философски наиболее внятном значении: «пространство» и «предпространство». Однако здесь есть и второй смысл. «Raum» по-немецки может означать просто «комната», «помещение», а «Vorraum» – это «предбанник». Таким образом, картина власти приобретает вполне осязаемый вид: есть помещение начальника, есть место, где толпятся его секретари и помощники. Отсюда и метафора «коридора»: коридоры власти выглядят как коридоры, идущие к слуху и душе.

М. Однако же разумными учреждениями и конституционными определениями можно воспрепятствовать множественным злоупотреблениям.

К.Ш. Это можно сделать и это должно сделать. Но даже самый мудрый институт, самая хорошо продуманная организация не смогут полностью искоренить это предпространство, никакой приступ ярости против *camarilla* или *antichambre*³ не смогут устранить его окончательно. Самое предпространство обойти не удастся.

М. Мне оно кажется скорее черным ходом.

К.Ш. *Antichambre*, черный ход, пространство вокруг, пространство ниже – существо дела очевидно и остается одним и тем же для диалектики человеческой власти. В любом случае в этом предпространстве власти в ходе мировой истории составлялось пестрое и смешанное общество. Здесь собираются не прямые. Здесь мы встречаем министров и послов в роскошных мундирах, но также духовников и личных врачей, адъютантов и секретарш, камердинеров и любовниц. Здесь старый Фредерсдорф, камердинер Фридриха Великого, стоит подле благородной императрицы Августы, Распутин – подле кардинала Ришелье, а какой-нибудь серый кардинал – рядом с какой-нибудь Мессалиной. Иногда в этом предпространстве находятся разумные и мудрые мужи, иногда – выдающиеся менеджеры или верные мажордомы, иногда – глупые карьеристы и шарлатаны. Иногда предпространство оказывается действительно официальной государственной палатой, в которой для доклада собираются достойные господа в ожидании, когда их пропустят дальше. Но частенько оно оказывается не более чем приватным кабинетом.

М. Или даже больничной палатой, в которой несколько друзей сидят у постели паралитика и управляют миром.

К.Ш. Чем больше власть концентрируется в определенном месте, у определенного человека или определенной группы людей как на верхушке, тем больше обостряется проблема коридора и во-

³ Камарилья (*исп.*); передняя, прихожая (*фр.*).

прос доступа к верхушке. Тем яростнее, отчаяннее и молчаливее становится тогда и борьба меж теми, кто оккупировал предпространство и контролирует коридор. Эта борьба в тумане не прямых влияний столь же неизбежна, сколь и сущностна для любой человеческой власти. В ней совершается внутренняя диалектика человеческой власти.

М. Но разве все это – не одни только извращения режима личной власти?

К.Ш. Нет. Процесс образования коридора, о котором мы тут говорим, совершается ежедневно, минимальными, бесконечно малыми начинаниями, повсюду, где люди исполняют власть над другими людьми, будь то в великом или в малом. В той же самой мере, в какой смыкается пространство власти, тут же организуется и предпространство этой власти. Каждое усиление прямой власти сгущает и уплотняет дымное облако не прямых влияний.

М. Это может быть даже и хорошо, если с властителем что-то неладно. Я пока не разберусь, что тут лучше, прямая власть или не прямая.

К.Ш. Непрямое я рассматриваю здесь только как стадию неизбежного диалектического развития человеческой власти. Сам властитель становится тем более изолированным, чем больше прямая власть концентрируется в его индивидуальном лице. Коридор отрывает его от почвы и возносит словно бы в стратосферу, где для него достижимы теперь только те, кто косвенным образом господствует над ним, тогда как все прочие люди, над которыми он исполняет власть, для него уже недостижимы, и он для них уже более недостижим. В крайних случаях это приобретает гротескно очевидный характер. Но таково – лишь предельное выражение изоляции властителя неизбежным аппаратом власти. Эта внутренняя логика осуществляется через бесчисленное множество начинаний повседневной жизни, в постоянном преобразовании прямой власти и непрямого влияния. Нет такой человеческой власти, которая бы избежала этой диалектики самоутверждения и самоочуждения (*Selbsverfremdung*).

РАССУЖДЕНИЕ ПЕРВОЕ.
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АРГУМЕНТ

Антропологический аргумент имеет ключевое значение для понимания «Диалога». Когда Шмитт говорит о «чисто человеческой власти», он имеет в виду очень многое. Прежде всего, он показывает истоки и следствия имманентистской концепции власти. «Чисто человеческая власть» берет свое начало в самом человеке. Она не имеет божественного происхождения. Кроме того, такая концепция предполагает примерное антропологическое равенство всех людей. Не так, что благородные властвуют над подлыми, сильные – над слабыми, умные – над глупыми, отважные – над трусливыми. Почему это противоречило бы чисто имманентистской концепции? Потому что власть объяснялась бы тогда различием человеческих качеств, то есть проблема власти решалась бы тем, что внутри однородного человеческого общения вносится нечто такое, что не обще всем людям, но по-разному им присуще. Здесь же один человек не лучше и не хуже другого. Это значит, что у него не больше и не меньше каких-то качеств, которые могли бы получить моральную или эстетическую оценку. Это значит, что каждый человек представляет для каждого угрозу.

Угроза со стороны другого человека связана с неопределенностью. Но что это за неопределенность? Возможно, она разрешится в пользу их обоих? Например, они решат сотрудничать. Например, один окажет помощь другому (ведь называл же век спустя Руссо сочувствие ближнему вторым изначальным, после желания сохранить себя, природным побуждением человека). Неопределенность как таковая, однако, все равно является угрозой, потому что дела могут пойти не так, как задумано. Действие человека – событие в череде событий, которые были бы связаны между собой иначе, если бы не случилось события действия. Это старый аргумент, и он может быть сформулирован с позиции наблюдателя, который видит череду событий и ожидает их возможное течение, но в это течение событий вмешивается чье-то действие, и ход событий меняется на глазах наблюдателя. Впрочем, наблюдатель мог и ожидать совершения действия, и тогда он заранее включает в ло-

гические конструкции наблюдаемых событий ожидание *того самого* действия. Тот же аргумент, однако, можно переформулировать с позиции действующего. Он совершает действие, поскольку намерен достичь цели или поскольку в его ожидания значимого хода событий включены логические конструкции событий, предполагающих совершение им действия. Вот в этом втором случае другой человек вносит в ожидание начало неопределенности. Никлас Луман предпочитал называть ее контингенцией.

Но разве *на самом деле* это так? Разве не обладает социальный мир высокой степенью ожидаемой надежности? Ее обеспечивают сотрудничество между людьми, доверие, любовь и, наконец, рутина повседневности. Сюда же относится и власть, то есть способность гарантировать надежное, ожидаемое течение событий даже тогда, когда на сотрудничество, доверие, любовь и рутину рассчитывать не приходится. Повторим: разве это неизвестно? Тогда в чем смысл разговора об угрозе неопределенности при имманентности власти? – Смысл здесь может быть только один: речь идет не о том, что *на самом деле*. Представленный аргумент – не описательный, он аналитический. Иначе говоря, все рассуждение, даже иллюстрированное историческими примерами, протекает в области идеализаций, и отношение власти выявляется как одно из первичных отношений в мире примерно равных по силе и прочим качествам индивидов.

Каждая идеализация предполагает, однако, что в описаниях все-таки остается нечто от самой реальности. Для идеализации отношений власти, как видим, требуется допустить существование людей: живых, слабых и смертных. Смертность – это другое обозначение того, что они живы, к тому же смертность – это предельное выражение слабости. Слабость, таким образом, означает неспособность к самосохранению. Поскольку же смертен всякий человек, то слабость как всеобщая характеристика может быть понятной в связи с властью только ввиду преждевременной смерти, то есть того самого прерывания в течении ожидаемых событий, о котором шла речь выше. Тот, кто слаб настолько, что жизнь его может прекратиться из-за вмешательства другого человека, подвластен этому другому. Однако мы видели уже, что на

уровне первичных описаний каждый может причинить смерть каждому, каждый каждому может представить угрозу, каждый настолько же слаб, насколько и силен. Поэтому здесь нельзя двигаться дальше.

Однако Шмитт трактует слабость более широко. В его рассуждении явственно слышен мотив антропологической концепции *недостаточности*, которую разработал Арнольд Гелен. Недостаточность буквально во всем характерна для самой природы человека, говорит Гелен. «А именно, морфологически, человек – в противоположность всем высшим млекопитающим – определяется *недостатками*, которые в точном биологическом смысле следует называть, соответственно, неприспособленностью, неспециализированностью, примитивизмом, иначе говоря, неразвитостью: то есть обозначать, по существу, негативно. <...> Так как человек жизнеспособен, в нем самом должны заключаться условия для решения этой проблемы, и если для него уже само существование есть задача и трудный результат, то результат этот должен быть таким, что его можно продемонстрировать во всей структуре человека»⁴. Проблема, о которой говорит Гелен, – это не просто проблема выживания. Она, в силу открытости человека миру, принимает вид *перегруженности*. Слишком многое в мире возбуждает человека, требует его внимания. Впечатления надо переработать, недостатки восполнить, опасности преодолеть. Способы, какими решается эта проблема, называются у Гелена *разгрузкой*. Недостаточность (слабость), открытость миру (избыток впечатлений), нагрузка, перегрузка и разгрузка (необходимость справляться со всем, что обрушивается на него из мира) – все эти характеристики связаны между собой.

В 30-е годы, еще до появления фундаментальных сочинений Гелена, антропологический аргумент Шмитта выглядел иначе. Тогда он указывал на сходство своих воззрений с философской антропологией Хельмута Плеснера. Сам Плеснер в книге «Власть и челове-

⁴ Gehlen A. Der Mensch. Seine Natur und seine Stellung in der Welt. Gesamtausgabe. Textkritische Edition. Bd. 3.1. Frankfurt a. M.: Klostermann, 1993, SS. 31, 34–35.

ческая природа» ссылаясь на Шмитта⁵, и хотя впоследствии эти взаимные упоминания и симпатии прекратились, прояснение одного аргумента другим до сих пор не лишено смысла. Антропология Плеснера содержит утверждение о человеке как существе не столько слабым и недостаточным, сколько неопределенным. «Человек как власть» называется одна из глав книги Плеснера. Можно было бы сказать, что понимание человека как власти есть перетолкование понятия свободы. Но в традиционное понятие свободы не входит то, что закладывает в понятие власти Плеснер: опасность и угроза, какие представляет человек для человека. Не заложено в него и то конкретное бремя и решение, о которых говорит Плеснер. «Это самоопределение человека не имеет ничего общего с кантовской автономией, если считать эту последнюю вневременным основным актом свободного самостояния (*Selbstnahme*), выше которого ничего нет»⁶. Выше человека – его история, история решений, которые уже были приняты прежде. По отношению к ним всякий раз, принимая решения, приходится определяться: держаться ли уже принятых прежде решений или нет. «В этом отношении неопределенности применительно к самому себе человек опознает себя как власть и выявляет себя для своей жизни, теоретически и практически, как открытый вопрос. В чем он себе в этом отречении [от определенности] отказывает, то снова прирастает у него как сила можествования. То, что тем самым обретоно в полноте возможностей, одновременно решительным образом отграничивает его от бесконечного множества иных возможностей понять себя и постигнуть мир, тех возможностей, которых он теперь уже не имеет»⁷. Приращение и ограничение возможностей сопряжены друг с другом, прошлое не детерминирует настоящее и будущее – это Плеснер называет принципом «открытой имманентности».

⁵ О Плеснере и Шмитте см.: *Kramme R.* Helmut Plessner und Carl Schmitt. Berlin: Duncker & Humblot, 1989; *Lethen H.* Verhaltenslehren der Kälte. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1994, SS. 120–127.

⁶ *Ibid.*, S. 319.

⁷ *Plessner H.* Macht und menschliche Natur. – In: *Idem.* Zwischen Philosophie und Gesellschaft. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1979, S. 321.

Хотя терминологически Шмитт в «Диалоге» находится ближе к Гелену, чем к Плеснеру, сродство его рассуждений с рассуждениями Плеснера можно видеть в той части «Диалога» (раздел V), где он говорит о «гоббсовском отношении опасности». Если выше мы указали на то, что человек *испытывает* опасность в силу слабости, то теперь мы можем сказать, что человек *представляет* опасность в силу власти, то есть неопределенности, неисчерпанности, открытой имманентности. Человек опасен, потому что от него можно ждать чего угодно, – это отнюдь не анархическое воззрение. Опасный человек уравнивается властью. Таким образом, власть слабого – потенциал его контингенции в самоопределении как опасность непредсказуемого исхода в течении событий для другого слабого и неопределенно-властного.

Что устойчивость в ходе событий, их предсказуемость можно установить лишь настолько, насколько человек лишен этой элементарной власти, ясно отсюда само собой⁸. На первый взгляд, дело выглядит просто. Шмитт говорит: концентрация власти на верхушке, у одного или нескольких людей. Обратим внимание на то, что так понятая концентрация власти означает ограничение горизонта возможностей для других людей. Природа человека в этом смысле знает градации: есть более сильные, более властные люди. Ущерб власти одного человека в пользу власти другого – вот что лежит на поверхности. Но Шмитт обращает наше внимание на полюс слабости. И вот мы видим, что сила может прирастать, но слабость не убывает. На элементарном уровне человеческое остается человеческим: слабость непреодолима. Это удивительное открытие: ведь власть обычно считается способом целедостижения. Власть, говорил Вебер, это шанс добиться своего, осуществить свою волю в рамках некоторого социального отношения. Здесь же видим то, что сам Шмитт называет диалектикой. Кажется, что эта диалектика довольно плоская: человек физически слаб, он не справляется с собственными возможностями. Власть – это возможность продавить свое решение, но кто подумал об объеме

⁸ Плеснер, впрочем, пишет, что человек может реализоваться только в своем *народе*, но это уже совсем отдельная тема. См.: *Plessner H. Op. cit., S. 361 ff.*

решений? Тот же Луман всего через десять лет после «Диалога» назовет это положение дел проблемой комплексности и будет говорить о том, что комплексность надо *редуцировать*, правда не человеку, а системе⁹. В этой части рассуждение Шмитта действительно еще поверхностное. Нарочито поверхностное и простое. Но речь ведь идет не только о болезнях, усталости и прочих физических ограничениях, налагаемых на властителя его природой! Простые, веками копившиеся наблюдения *преддверия власти*, того самого предпространства, о котором говорит Шмитт, никак не меняли общего понимания сути дела. Шмитт его меняет.

РАССУЖДЕНИЕ ВТОРОЕ

Присмотримся еще раз к логике его рассуждений. Есть ограниченный человеческими способностями перерабатывать информацию и принимать решения властитель, говорит Шмитт. И есть те, кто вокруг него. *Непрямые*. Те, кто советует, фильтрует и преподносит информацию, на кого можно положиться, кому доверяют. Их власть – косвенная власть.

Понятие косвенной власти появляется у Шмитта также в другой связи. Через несколько лет после «Диалога» он выпустил в свет последнее, самое полное издание «Понятия политического»¹⁰. В примечании к тому разделу брошюры, где речь идет о базовой антропологии теорий государства и политических идей, Шмитт в сжатом виде формулирует свое понимание философии Гоббса. В наглядном виде оно представлено как «гоббсовский кристалл» – семь постулатов, выписанных причудливым столбиком друг над другом. Один из этих постулатов – «*postestas directa, non indirecta*» (власть прямая, не косвенная)¹¹. Что такое «косвенная власть» для Гоббса? Прежде всего, это власть католической

⁹ Что за «редукцией комплексности» кроется антропологическое понятие «разгрузки» тут же углядели его критики.

¹⁰ *Schmitt C. Der Begriff des Politischen. Text von 1932 mit einem Vorwort und drei Corollarien. Berlin: Duncker & Humblot, 1963.*

церкви, впрочем, также и власть всех, кто в обход государства пробуждает энтузиазм, вдохновение, сильные мотивы действий у граждан. Обычным образом граждане могут удовлетворить свои потребности, живя в государстве, которое дает им безопасность в обмен на послушание. Но если они станут задумываться о жизни вечной и о спасении, о том, что есть вещи важнее, чем сохранение жизни и благополучие на земле, мир в государстве будет под угрозой. Поэтому та власть, которая направлена именно на проблематизацию спасения и утверждает себя через обетование жизни вечной, конкурирует с властью суверена. Власть суверена – это власть прямая, в ней связаны между собой защита и повиновение, права и обязанности. Власть католических клириков, глава которых находится вне пределов государства, – это власть косвенная. Она плоха тем, что никакой связи между защитой и повиновением, никакой ответственности за мир в ней нет, а конкуренция с прямой властью ставит мир под угрозу.

В диалоге, как мы видим, категория «косвенный», «непрямой» употребляется в другом смысле. Речь идет только о светской власти и только о тех, кто не прямо отдает приказы, но создает условия для отдания приказов сувереном. Тем не менее и к этой косвенной власти Шмитт относится скорее негативно, хотя и показывает ее неизбежность. Однако он совсем не показывает ее прямые действия как власти. Конечно, он представляет нам некую идеальную ситуацию: властитель приказывает, подчиненные выполняют. Наиболее удобна для демонстрации ситуация, в которой у властителя наибольшая власть – и наибольшая зависимость от косвенных. Но Шмитт отчасти проговаривается о том, что дело совсем не просто. Власть есть там, где есть приказание. Власть осуществляется во множестве мелких «начинаний», ростков, она вовсе не ограничена деяниями властелина, но именно что повсеместна. И всякий раз властному деянию сопутствует среда его совершения. Не бывает такого, чтобы кто-то мог властвовать, хотя бы краткое время, хотя бы незначительным образом, – и чтобы мельчайшая концентрация его власти не притянула к себе доверенных, советчи-

¹¹ Ibid., S. 122.

ков, информаторов, короче говоря, всех тех, чье существование обусловлено его слабостью – обратной стороной власти.

Шмитт не делает следующего шага. Он не ставит вопрос о том, что косвенные суть косвенные лишь функционально, лишь в отношении к данному властителю. Это значит, что в другом отношении они суть те, кто отдает приказания, и сами принуждены опираться на чужие мнения. Что из внешнего мира столь же невозможно прорваться во внутренние покои дворца, как из дворца, миновав несчетное множество дверей, невозможно вырваться к внешнему миру, хорошо знал Франц Кафка, и читать Шмитта не было бы нужды ради одного лишь повторения этого знания. Но Шмитт говорит не об одной лишь (в принципе бесконечной) иерархии положений, он говорит о самой власти как действии и потенциале действия. Что может означать сосредоточение, концентрация власти на вершине? Если считать, что власть – это средство, то концентрация власти – это умножение средств достижения цели. Но откуда берется сама цель? Цель – это некое изменение в положении дел, которое нарушает ожидаемый ход вещей, как мы уже говорили об этом выше. Поскольку нарушений хода вещей может быть много, целей может быть много. Из многих целей надо выбрать. Выбор совершается в силу некоторых оснований, резонансов. Соображения относительно резонансов основаны на представлении о положении дел и связаны со способностью переработать информацию о положении дел настолько, чтобы сделать ее обозримой и пригодной для выбора. Здесь-то и вмешиваются косвенные. Для постороннего наблюдателя они суть фильтры информации (право доклада у суверена и т.п.). Для самого властителя они суть вспомогательные средства для достижения цели. А для самих себя?

Косвенные отдают приказы, они также ставят цели, они обладают властью. В схеме совершенной иерархии Шмитта это не так заметно. Не то чтобы Шмитт *не знал*, что и косвенные обладают своей собственной, хотя и ограниченной, властью. Это не важно именно в принципе: какая разница, сколько слуг или подчиненных у члена *камарильи*, – значение имеет лишь то, насколько он властен косвенным образом, через влияние на суверена. Однако

не все так просто. Ведь место в предбаннике – область борьбы, борьбы за влияние на властелина. Властелин, таким образом, не контролирует положение дел в предпространстве власти. Мы можем сказать, что он поощряет борьбу, что он заинтересован в ней, что он подстрекает своих ближних, но мы не можем сказать, что он с самого начала контролирует исход игры. Полный контроль над игрой обесмысливает саму игру, разве только властелин получает эстетическое удовлетворение от объективной видимости состязания. Это относится к *antichambre*. Но такое отношение повторяется на всех уровнях, где степень концентрации власти достаточно велика, чтобы разделить верхушку и предпространство. Таким образом, одни и те же люди борются за доступ к суверену¹² и находятся в положении малых властителей с их камарильями. Может ли полновластный государь следить за ходом и результатами бесчисленных малых битв за влияние на тех, кто оказывает влияние на него – и далее по нисходящей? Разумеется, нет, и как раз это Шмитт понимает очень хорошо. Но, понимая это, он отклоняет наше внимание к другому обстоятельству.

Это другое обстоятельство – *самозаконный характер власти*. Тот, кто отдает приказы, запускает в ход цепочку причин и результатов, отследить которые он больше не может. Власть как потенцированная способность добиться цели оказывается сомнительной именно с точки зрения цели. Одна сторона этого бросается в глаза: технические средства власти, средства средств, возросли настолько, что производимые ими следствия превышают все возможности человека – интеллектуальные и физические. Человеческая недостаточность не компенсируется, но выпячивается могуществом современной техники. Хотя Шмитт был одним из первых, кто столь внятно прописал проблематический характер новой техники именно как техники власти (впервые он говорил об этом еще в конце 20-х годов в знаменитой речи

¹² Пока идет борьба, даже тот, кто снискал наибольшее благоволение князя, не может быть уверен в своем положении – важный пример чего Шмитт приводит в «Интермеццо» (срединной части «Диалога»), прослеживая, между прочим, политическую интригу шиллеровского «Дона Карлоса».

«Эпоха деполитизаций и нейтрализаций»¹³), есть и другая сторона, кажется менее очевидная.

Самозаконный характер власти, необозримость следствий любого властного решения связаны не только с техникой, но и с тем, что власть в каждой точке превышения ее потенциала над потенциалом подвластных реализуется в *среде*, образованной множеством властных действий, причем действие, инициированное в любом месте власти, обусловлено как характером подчинения властвующего другому властвующему, подчинения подвластных данному властвующему, так и сложной конфигурацией преддверий власти на разных уровнях, борьбой внутри преддверий, борьбой за доступ к преддвериям, соотношениями компетенций и т.п. Таким образом, означает ли это, что понимание власти как средства вмешательства в череду событий приходится пересмотреть? И да, и нет. Мы не можем сказать, будто нет властных действий. Мы не можем сказать, что всякий раз они совершаются в мире, так сказать, только и ждущем властного вмешательства. Напротив, среда власти посредством техники словно бы пропитала собой весь остальной мир.

Власть не была бы средой, не будь она средством, но она оказывается менее эффективной как средство, будучи реализована, так сказать, в среде самой себя. Это, видимо, тоже можно считать

«диалектикой». Вероятно, в этой связи следовало бы

иначе ставить вопросы о феноменологии власти и

о релевантном языке для ее описаний. Однако

здесь мы должны были бы уже

выйти за пределы того, что счита-

л уместным полвека на-

зад сказать о власти

Карл Шмитт.

¹³ См.: Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций. – В кн.: Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2008. С. 13–27.